НОВЫЕ МАРСИАНСКИЕ ХРОНИКИ

ШЕДЕВРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мир, вывернутый с помощью физических экспериментов оказывается тоже миром. Герой, боровшийся за свободу с помощью киберпанковских трюков, попадает в мир, где царит эта самая свобода, ограниченная лишь лицензией, которую тоже можно свободно купить. И вот здесь-то оказывается, что главными потребителями свободы оказываются носители всяческих пороков.

- Александр Тюрин
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
- notes
  - 1
  - 2

Александр Тюрин
Возвращение Красной Шапочки

Марсианская раса произошла от нескольких подразделений русской армии, а также девушек из австрийского фронтового борделя, случайно телепортированных на Марс летом 1916 года

Большая Солипсическая Энциклопедия

1

Его звали Красная Шапочка, или кратко Ред. В этом прозвище не было никакого намека на гомосексуализм. Просто он умел выходить даже из безвыходных положений, перед которыми встреча маленькой девочки с зубами свирепого хищника показалась бы пустяком.

Ровно в полночь по среднему марсианскому времени его вызвала Мама. Ее и в самом деле можно было посчитать женщиной, если бы не совершенно мужской склад ума.

Мама была материнской платой Метатрона — самого мощного марсианского гиперкомпьютера — впрочем, неизвестного налоговым киллерам, которые обложили податями каждый жалкий гигагерц и гигабайт.

Сетчатая структура из нанотрубок с миллионами синаптических контактов, к которым примыкали нейроны, была вделана в голову женщины легкого поведения.

А вот долгосрочная память Метатрона располагалась в марсианских льдах глубокого залегания. Горячий квантовый процессор Метатрона был замаскирован под Вечный Огонь у памятникам первопроходцам Марса, которые, все как один, погибли осваивая красную планету, однако успели произвести многочисленное потомство.

Женщина со встроенной Мамой только что обслужила клиента и встреча с Редом была замаскирована под очередное любовное свидание.

Мама нравилась Реду, в смысле как женщина, но он лишь мечтал о том, чтобы поцеловать ее, ведь она была его непосредственным начальником.

За двадцать минут лжелюбовной встречи Мама провела операцию под местным наркозом, во время которой в мочевой пузырь Реда была введена бластула с зеркальной материей.

Конец операции был скомкан хозяйкой публичного дома, разумной каракатицей по имени Шарлин Перро, подплывшей со стороны ванны-джакузи. Бандерша страшно боялась, что девушки-стахановки будут водить себе клиентов сверх норматива и брать всю выручку себе.

Мама пошла открывать крышку джакузи, а Реду пришлось срочно вставать с операционного «ложа любви» и делать перед бандершой вид, что он страшно доволен, хотя в промежности остались неснятые зажимы, а из-за анестезии он едва держался на согнутых колесом ногам.

Отдав чипкредитки прямо в щупальца мадам, он с трудом

вышел из заведения и едва нашел в себе силы добраться до собственного вертоката, хотя вокруг крутились киберрикши. Но среди них могли быть агенты марсианского гестапо, если точнее налоговой полиции, среди которых самым опасным являлся, конечно, Вольф Блитцер.

И хотя Реду удалось прорваться сквозь стаю бешено щипающихся и клюющих рикш, чувствовал он себя неуверенно.

Никогда еще в истории марсианского человечества никому не удавалось получить столь большую дозу зеркальной материи. И даже те, кто ее получил, не знал, как она себя поведет. Зеркальная материя не имела деления на молекулы, атомы, лептоны, кварки, не знала стрелы времени. По сути она была математическим объектом с двадцатью тремя свернутыми измерениями, нестабильно проецирующимися в нашу трехмерную реальность.

Зеркалку как будто произвели в подпольной лаборатории на Ио, в одном из серных вулканов, который власти считали действующим. Организации удалось выйти на производителей и предложить им хорошие деньги, прежде чем их загребла налоговая полиция или они попали в руки других подпольщиков, только уже убийц и насильников. Теперь зеркальную материю надо было передать в руки Омы…

На одном из перекрестков движение было прервано огромной раздувшейся и страшно закрученной тушей гельминта, который видимо сбежал из городской канализации, не вынеся ужасов загрязнения. На несколько километров от перекрестка выстроились застрявшие вертокаты.

Ред ударил по голове автоводилу, заставив его спрятаться в коробку передач, и взял управление на себя, надеясь как-то протиснуться между застрявших машин.

И тут в кабину заглянул регулировщик. Если точнее, это был сам Вольф Блитцер.

— Привет, Ред, — просто сказал он, хотя визави встретились они первый раз. — Прими мои соболезнования, но за эту пробку в конечном счете ответственны те, кто злостно уклоняется от налога на канализацию. Каждая попа должна платить за содеянное, не так ли?

Ред подумал, что весь затор был устроен, лишь бы только отловить его. Позорный провал, как он не заметил опасные изменения на транспортной карте, которая передавалась через левый коммуникационный чип прямо в зрительный центр его мозга? Ему никогда уже не доказать Маме, что он чего-то стоит. Никогда она не захочет поцеловать его в губы.

— Здравствуйте, Вольф. Кажется, вы не прочь меня

арестовать?

— Пока что нет ни малейшего повода. Ты смотришь прямым честным взглядом и к тому же сдал налоговую декларацию за прошлую неделю, которую, правда, мы еще не начали проверять. Так может, подскажешь за что?

А вдруг и в самом деле у Вольфа нет ордера на арест?

— Может и подскажу. Но только вы сперва подсобите мне выбраться из пробки.

Это было похоже на предложение из сказки: «Не ешь меня, Серый Волк», но Ред знал большую убойную силу прямых высказываний.

Реакция Вольфа оказалась достаточно тонкой.

— Шутишь, парень? Не шути, да не судим будешь. Впрочем… почему нет.

Вольф сел в вертокат Реда, прилепил к крыше полноспектральную мигалку и, едва касаясь тродов управления кончиками пальцев, стал пробивать путь.

— Ну, куда-таки едем, юноша? — с заметным ехидством спросил Вольф и махнул рукой в сторону высотных расписных теремов Нойпетербурга, что напоминали застывшие солнечные парусники. — Может, туда? Нет лучшего места, чтобы немного расслабиться, смыть тоску-печаль за умеренную цену. Или ты предпочитаешь курить травку только на Фобосе, где человек человеку не только волк, но еще и козел?

Ясно, серый, что ты разыграл эту партию, чтобы выудить из меня какую-нибудь информацию, подумал Ред.

— Мне еще нет двадцати одного года, так что ничего кроме пива, разве забыли, начальник? И у меня деловая встреча. Есть возможность продать пару приличных рефлексов для симулантов, — Ред постучал по разъему, вмонтированному в последний шейный позвонок.

— Сайкософтом,[1] значит, приторговываешь.

Вольф покачал головой, как бы в знак полного согласия, хотя мог бы и потребовать товар показать.

— Ты рано начал, главное теперь кончить вовремя… Я знаю, Ред-редиска, что ты не просто одинокий отчаянный диллер, — Вольф передал управление автоводиле и посмотрел вдаль на небоскреб Кощей-центра, сияющий на фоне темной махины Монс Павонис. — За тобой стоит Организация.

— За нами всеми стоит организация и не одна. Союз питомцев клоноинкубатора «Гуппи», лига вакуумного пения, клуб вертикального плавания, кружок прицельного плевания …

— Я имею в виду нелегальную Организацию, в которую тайно вступили многие крупные высокооплачиваемые ученые и даже

сетевые авторы, хорошо знающие себе рыночную цену. Вступили и плетут там заговоры в знак протеста против методов налоговой полиции, сующей нос в каждую щелку и не дающей личности полного права пользоваться своими деньжатами. Ты знаешь, малыш, я иногда думаю, что разделяю многие цели этих заговорщиков. Не платить налоги, не содержать кодлу тупых бюрократов. Зачем они нужны, если люди могут просто встретиться за рюмкой алколоидного чая и решить тихо-мирно без стрельбы и мордобоя все финансовые вопросы.

Вольф испытующе посмотрел на Реда.

— А я не разделяю этих целей и не понимаю таких ученых и тем более сетевых авторов. Бюрократы нужны…

— Для чего? — Вольф коварно улыбнулся.

— Ну если… кто-то захочет уничтожить всю нашу цивилизацию, это могут заметить только люди, которые не занимаются бизнесом, то есть наши тупые бюрократы.

Ред про себя хмыкнул. Вывернулся.

— Спасибо, мальчик, я им все передам. Уверен, что они тебя отблагодарят.

— Извините, господин Блитцер. Но я не могу приехать на деловую встречу с полицейским в машине. Меня могут не так понять. Вы навредите моему бизнесу, не с чего потом будет тянуть налоги.

— Хорошо, сделав свое благородное дело, я исчезаю как волк во тьме густого леса.

Через секунду полицейского в машине уже не было. Счастливо как будто отделался, подумал Ред, хотя осадок остался.

На окраине Новолуцка Ред бросил вертокат и нырнул в контейнер с мусором, стоящий под огромным лиловым тополем. Наступала самая ответственная часть операции. Он не мог попасть туда, куда ему надо, в живом виде, если точнее с температурой тела, характерной для живого существа.

Ред поставил себе капельницу с чип-дозатором, поступающие из нее консервационные наноботы должны были остановить все активные процессы в его организме — на один час. Умирать всегда больно и страшно, но боль была сглажена привычкой, а страх перекрыт верой.

Через полчаса его тело с остановившимися жизненными процессами было в составе прочего мусора втянуто уборочной машиной. Через час оно лежало под грудой мусора на дне одного из трогов Лабиринта Ночи.

Через два часа он очнулся сам. Самого себя воскрешать из мертвых дело неприятное, это было не по плану. Однако ни Ома,

ни его подручные симуланты не забрали Реда.

Ома провалился, первым делом подумал Ред, когда восстановительные наноботы вновь запустили обычный метаболизм в его теле.

Спотыкаясь и падая, он побрел через огромную свалку, ограниченную с севера и юга только исполинскими стенами каньона, а сверху далеким фиолетовым небом.

И вдруг наномониторы сообщили… Реду показалось, что далекое небо вдруг навалилось на него.

Герметичность бластулы была нарушена, зеркальная материя проникала в его тело!

Теперь зеркалка запросто может оказаться в его крови, в его выделениях, в его дыхании.

Перейдя через порог критической массы, зеркальная материя начинает инфицировать материю обычную. Наверное это напоминает то, как плесень уничтожает образы на картине мастера, превращая все в серую гниль.

Ред первый раз в жизни почувствовал холодный пот на лбу.

Крыса, перевозящая на себе чумных блох, по сравнению с ним милейшее существо.

2

Ред медленно, из-за отсутствия специального снаряжения, карабкался по скальной стене. Десять минут подъема, затем передышка на каком-нибудь уступе, чтобы ускоренные клеточные процессы восполнили нехватку энергии. Внизу осталось дно каньона, заваленное мусором. Все это могло уже быть заражено зеркальной материей.

Дно было затянутой пеленой испарений из осадочных пород, содержащих газогидрат, но Реду казалось, что внизу мерцает несколько приземистых куполов, похожих на нарывы из иллюстрированной медицинской энциклопедии.

Поскорее добраться до Омы, тот должен найти какой-нибудь выход.

Ред постарался подавить в себе разочарование. Ведь даже Ома, гениальный, мудрый и все такое прочее, не смог предвидеть, что пока мы боремся за освобождение от налогового бремени, наша цивилизация и наш мир могут быть стерты, как карандашные линии с листа бумаги.

Время, казалось Реду, проносится сквозь его тело подобно ветру, а вот его движения невыносимо замедлены, как у мухи влипшей в мед. Ред несколько раз хотел активизировать мыслеусилием вход в сеть, чтобы найти открытый адрес Омы, но каждый раз прерывал сеанс. Только не паниковать, использование открытого канала — это наводка для полиции. Его арестуют, посадят в отстойник и тогда этому миру гарантированный конец, зеркалка схавает его…

Ред почувствовал вдруг — смерть рядом! Он резко сменил курс. Выстрел высек сноп пара и оставил рытвину в реголитовой стене каньона. Следующий прожег здоровенную дыру в уступе рядом с его головой, а ведь там только что была его рука. Теперь ясно, стреляют из штурмовой винтовки сверху. Ред, едва на сорвавшись, спустился на пару метров вниз и укрылся под выступом, напоминающим карниз. Теперь влево и вверх. Так быстро, как это возможно и даже невозможно.

Он карабкался по почти вертикальной поверхности, впиваясь цепкими кончиками пальцев в трещины, пропуская изнурение где-то по периферии сознания, удирая от собственной смерти и, что более важно, от проигрыша в очень большой игре. Лишь бы не подвели нейромышечные наноакселераторы, не коротнули дополнительные эфферентные цепи, вшитые Мамой. Мембранная ткань рубахи не успевала поглощать пот, который шарил тысячей противных лапок по его спине.

Двадцать пять метров подъема, пять секунд передышки и еще двадцать пять метров. Врагов двое, теперь Ред с ними почти на одной горизонтали. Он уже не просто мишень, можно и повоевать. Повиснув на одной руке, Ред выхватил пистолет, сканирующий прицел быстро отловил цель. Противники тоже заметили его, правда один находился у второго на линии огня. Пора. Ред нажал на спусковой крючок, ствол выбросил пирамидальную кассетную пулю.

Со сдавленным от ужаса криком один из тех сорвался вниз — лететь ему долго, есть время подумать о том, о сем. Второй был мертв с того момента, когда Ред нажал на спусковой крючок. Этому типу повезло. А вот повезло ли мне, подумал Ред, преодолевая последние метры подъема. Только оказавшись на плато, он почувствовал рану на бедре — до этого боль была блокирована нанодокторами. Вместе с кровью в штаны, наверное, впитывалась зеркалка.

Реду стало дурно, поле зрения сузилось и затянулось пеленой; даже показалось, что за ним тянется зеркальная дорожка, извивающаяся словно марсианский змееголов.

Появилась мысль, не яркая, но тяжелая, придавливающая. Просто броситься с обрыва в каньон…

Но так он вряд ли пресечет распространение зеркальной материи. Наоборот, с брызгами крови инфекция прыгнет еще дальше. Ред взвесил новые мысли на наличие примитивной трусости. И решил продолжать путь.

Рана на бедре уже затягивалась коагулянтом, нанодоктора штопали сосуды и открывали фуллереновые депо — сферические молекулы, заполненные антибиотиками. Тренированный мозг Реда руководил армией крохотных помощников, однако думал не только о собственном теле.

Надо бы осмотреть труп убитого. Кто это полицейский или гангстер? Если у этого типа есть внешние разъемы, то ответ будет уже через пару минут. Из-под ногтя указательного пальца у Реда выдвинулась вилка скин-интерфейса…

Над обрывом появился взмывший снизу коптер-невидимка. Ред почувствовал его по некоторому «напряжению» атмосферы. В точке сильного перепада скоростей коптер стал видимым на какое-то мгновение. Полицейский борт.

Может сдаться, поднять руки, рассказать им обо всем? Ведь под угрозой существование цивилизации, расы, возможно всего мира.

Но они не врубяться, или врубяться не скоро, эти толстозадые бараны. Опять стопроцентный проигрыш. Кроме того… вдруг это не полицейские.

Ред напряг память, фокусируясь на разных частях зафиксированной мозгом картинки. В передней части фюзеляжа коптера проглядывалась какая-то шишка, это возможно установлен дополнительный блок антирадара или РЭБ,[2] чего полицейские никогда не делают.

Смешно пытаться улизнуть от коптера своим ходом.

Первый предупредительный выстрел породил маленький гейзер из песка и пара, по лицу шарахнуло злобным ветерком. Следующий выстрел может превратить тебя в такой же всплеск.

Прыжок, два переката, снова прыжок, два переката.

Коптер был слишком низко, почти над уровнем грунта. Пилот и его симбионт-целеуловитель не заметили, как Ред проскочил между двух валунов и спрятался в небольшой выемке.

Теперь забросать себя горстями реголита, чтобы обмануть тепловой сенсор машины. Только бы пилот коптера не стал бы стрелять по площади. Полицейским это запрещено.

Тяжелая взрывная волна прокатилась над головой, град из камней прошелся по телу Реда.

Борт выпустил неуправляемую ракету с плазменной боеголовкой, значит этот борт — не полицейский.

Следующий боезаряд не помилует.

Ред чуть повернул голову, чтобы в последний раз посмотреть на небо. Только небо по настоящему бессмертно. А от Красной Шапочки останется лишь так называемая «капсула бессмертия» с записью наиболее отчетливых последних впечатлений. Но когда эта капсула попадет в умные руки и окажется расшифрованной, в ней уже не будет необходимости.

В лиловом небе как будто зажглась еще одна звезда и оболочка поляризации, покрывающая глаз Реда, показала испущенный ею луч. Сзади раздался мощный объемный взрыв.

Ред высунул голову из ямки. Коптер взорвался, а если точнее претерпел серьезные преобразования. На месте машины еще метались лишившиеся электронных оболочек атомы — выглядело это просто легким сиянием.

Ее уничтожил выстрел боевого гамма-лазера с орбиты, который был приведен в действие компактным ядерным зарядом.

Ред выскочил из своего укрытия и побежал. Раз не удалась встреча в означенном месте, значит остаются запасные явки. Когда он озирался, то видел позади странный слоеный закат, хотя на самом деле до захода солнца было еще далеко. Над Лабиринтом Ночи дрожало марево, в котором отражались нарывы куполов. И хотя Организация показала только что свою мощь, время отчаянно быстро проваливалось в какую-то черную дыру.

3

Ред почувствовал Тень уже на окраине Карштадта. Она не попадала в поле зрения, но следовала неотступно за ним. Он выстрелил по ней два раза, не глядя, ориентируясь только по экстрасенсорике. И оба раза попал в пустоту. Вернее, жалобно треснул какой-то ветхий контейнер, появилась дыра в полиуглеродной стене заброшенного барака — появилась и стала спешно затягиваться.

Тень была таким же порождением зеркальной материи, как и купола. Только давила на мозги куда сильнее. Ну не готовится ли она в какой-то момент заменить его?

Ред подумал, чем дальше он уходит в поисках помощи, тем больше территории и атмосферы он заражает «зеркальностью». А, может, чем быстрее настанет всему конец, тем лучше?

Он устал быть мелким диллером, за которым охотится полиция и конкуренты. Вступление в Организацию не спасло его от никчемности. Сам он по себе тот же нуль и сейчас торопится к Оме, как перепугавшийся малыш к бабушке. Но тонок лед, по которому приходится бежать, трещит он под тяжестью иного мира…

Мне не суждено привести Организацию к победе, Организация никогда уже не спасет мир от сетей налоговой полиции, потому что не станет самого мира. Возможно, если бы не Организация, то эта чертова бластула осталась бы в серном аду на Ио. Я даже не разу не поцеловал Маму…

Сердце потекло куда-то вниз, разжиженное горечью и тоской.

Реду вдруг стало стыдно до тошноты. Это, наверняка, не его мысли, а коварные внушения Тени. Ред даже подумал, что может быть с того момента, как он решил уйти со свалки, она уже руководит им, ведет его по этому пути, а он тянет за собой целый мир к гибели. Как эти самые буераки, то есть бурлаки на Волге…

Но, с другой стороны, останься он на месте, то его быстро бы заметила очередная мусороуборочная бригада и свистнула бы в полицию. Нет, все-таки не Тень его ведет, а собственный расчет.

Ред кое-как выбрался из тупика своих мыслей и сделал несколько шагов по улице. Ветер нес песок, обрывки тонкого пластика, рекламные пузыри, которые лопались со смешными выкриками: «Купите надувную подругу марки Далила и вы никогда не сломаете жизнь хорошей женщине».

Вокруг были только брошенные допотопные системы жизнедеятельности — плантация водорослей, цех переработки биоотходов, ферментационная башня. Уже смеркалось. Явка была

безжизненной, на ферментационной башне не горело ни одного огонька…

Внезапно из бокового переулка появился вездеход песочного цвета. Он подкатил к Реду и захватил его мощными лучами своих фар.

Из машины вышел налоговый полицейский. Настоящий, не поддельный. Ред, не смотря на молодость, слишком хорошо знал типаж этих людей, как они держатся, какие рефлексы и прочий сайкософт загружают им в клоноинкубаторах. Эти сто кило бифштексов, затянутых в китель и штаны со стрелками, трудно не узнать.

— Только не рыпайся, парень и не пытайся пускать вонь в глаза, — предупредил полицейский. — Для начала пройди идентификацию, потом посмотрим, что у тебя с налоговыми декларациями.

Надо встать по стойке смирно в трех метрах от машины — не ближе, иначе налоговик будет стрелять. Поднять руки, ладони вывернуть наружу. Луч сканера прочитает радужку, отпечатки пальцев, а радар активизирует излучающий ID-чип, вмонтированный в решетчатую кость.

— Я же сказал, на месте! — гаркнул полицейский, а его рука нырнула в кобуру.

Оправдываться было поздно. Реду показалось, что где-то за его спиной метнулась Тень. Полицейский выхватил оружие, Ред в прыжке в сторону укрался за трубой, а потом выкатился из-за нее, одновременно стреляя из своего «турбонагана».

Верхнюю часть патрульного разворотило двумя кассетными пулями. Ред не хотел этого, он нормально относился к полицейским. В конце концов, если бы не было душителей свободы, то как можно бороться за свободу?

Прежде чем сесть в полицейский джип, Ред бережно провел пальцами по лицу покойника, запоминая его ключевые точки. Теперь имплантированная миозин-резина в короткий срок могла переконфигурировать лицо Реда — ведь в кабине полицейского вездехода борт-компьютер производит фейс-контроль.

Ред снял комбинезон с убитого, затащил труп в трубу. Голый и изуродованный налоговик остался на окраине Карштадта. Переодевшийся и изменивший внешность Ред сел в полицейскую машину и поехал дальше.

Это последнее мое дело, сказал себе Ред, я больше не хочу бороться за свободу.

4

Неподалеку от центра Карштадта с ним вышел на связь диспетчер. Все полицейские патрули направлялись в Новопинск, где группа вооруженных преступников оказывала ожесточенное сопротивление, окружившим их силам порядка.

Отказаться Ред не мог, тогда бы робот-диспетчер просто перенял бы управление его машиной.

Новопинск, небольшой промышленный поселок, состоял из десятка бараков и заводика по производству белкового концентрата из фановых вод, где и засели бандиты. Ред остановился на узкой улице в ряду из десятка полицейских машин, за ним тут же встало еще несколько. Теперь и не выехать даже.

И тут он увидел, что вдоль ряда идет Вольф Блитцер, давая на ходу указания прибывшим полицейским.

Ред взвел курок своего «турбонагана». Если Вольф сунет физиономию в кабину, придется стрелять в упор. У старого волка свой фейс-контроль, он сразу почувствует лажу. Тень, сидящая как будто на заднем сидении, тоже напряглась, от нее пахло страхом.

Вольф не сунул физиономию. Он подошел к кабине … спиной. Его руки, оказавшиеся за спиной, делали характерные знаки.

Выходи из машины. Не бойся. Иди со мной.

Что это? Как понимать?

И несмотря на страшное желание дать деру, Ред вышел и двинулся за Вольфом. Тот, словно не обращая на него внимания, давал указания полицейским.

— Эй, парни, вы нас прикрываете, лупите по верхним этажам. Мы втроем идем внутрь… Нет, коптеры применять запрещено. У них могут быть заложники… Ты стреляешь из базуки ровно по той двери. Мы сразу выбегаем из укрытия и дуем туда. Чтоб больше никто с места. Продолжайте копить злобу на гадов, но чтоб без лишних движений. Внутри работаем только мы втроем. Если кто-то из вас, ребятишки, не усидит, пусть знает, оторву яйца — под корень. Только мы втроем. Ну все, двинули.

Раздался выстрел базуки. Термобарический взрыв, похожий на обезумевшего огненного змея, прожег бронированную дверь. Ред выскочил из-за изрешеченного пулями вездехода и побежал вслед за Вольфом.

Обычная работа полиции. Вбежать вверх по лестнице, паля из всех стволов, вышибить дверь на втором этаже. Кто там уцелеет

из заложников, уже неважно…

Никаких заложников тут не было. Пятерых преступников удалось размазать по стенам и потолкам в течение одной минуты. Бандит с самой гнусной физиономией попал в плен живым. Одно из помещений было забито аппаратурой. Похоже, контрольно-измерительной, как и положено на белковой фабрике — чтобы прионы не завелись. Здесь бандиты прилично уже порезвились, все раскурочено, перевернуто, разбито. Они тут что-то искали.

— Люди Охотника тут непременно нашли бы кое-что, если б мы не подоспели в последний момент, — прокомментировал Вольф. Затем обратился к пленному, на голове которого он удерживал пятнышко лазерного прицела. — Иди-ка, хлопчик, высунься изо окна и прокричи, что взял в плен трех офицеров полиции. Тогда ты нам подаришь немного драгоценного времени, а себе кучу удовольствия.

Ред непроизвольно замотал головой. Что еще за фокусы? Вольфа контузило, он рехнулся? Может не медля пришить его, пока он держит на мушке бандита, а другой полицейский возится с аппаратурой?

— Не торопись, парень, — сказал Вольф Реду, хотя смотрел совсем не на него. — Я знаю, даже юнец может быть страшен в страхе, но сейчас нажми на тормоза.

— Кто вы?

И хотя Вольф еще не повернул к нему свое лицо, Ред понял, что оно уже изменилось. Преобразилась и фигура. Никакой теперь не Вольф, не приземистый «боровичок», а тощий и длинный Ома. Если точнее, это симулант, судя по быстроте и точности изменений.

Тело у симулантов изменчиво потому что насыщено полиморфантными наноструктурами. Это тело управляется не человеческим мозгом, а сетью из миллионов внутриклеточных процессоров.

Гиперкомпьютер Метатрон оказался не вычислительным орудием, а руководителем Организации.

5

— Ну, да, да, это я, — сказал Ома, — тот второй лжеполицейский — тоже машина. Пока не обращай на него внимания, он занимается настройкой аппаратуры.

— Почему вы раньше не признавались, что являетесь машиной? Чего тут постыдного?

— Мог бы и сам догадаться. ОМА — это всего лишь аббревиатура от «Оперативный Машиннноприродный Адаптер». И вообще, что это так важно сейчас, юноша? Сегодня, когда ты заразил зеркальной материей огромную площадь. Кашлял, чихал, дышал, может еще чего похуже делал.

Груз стыда снова придавил Реда, но он все-таки попробовал вывернуться из-под него.

— Но это же Мама виновата. Вшить бластулу — это была ее часть работы.

— Сексом надо было заниматься — она ведь много не берет — а не вшивать в тело всякую ерунду. Короче, бластулу с зеркальной материей подкинули земляне. Гангстер по кличке Охотник является их агентом, он и всучил нам эту гадость. Я не мог выйти с тобой на связь как обычно, потому что в образе Омы я был бы немедленно ликвидирован бандюгами.

— Земляне? Я ничего не понимаю. Мы же уничтожили все их экспедиции. Они нам не опасны.

Симуланты всегда точны в своих мимических реакциях и жестах. Ома втянул воздух и немного прикрыл глаза, показывая, как ему надоело слушать глупости. Ред как будто даже увидел фундаментальные уравнения трансформаций, по которым работает фейс-интерфейс симуланта.

— Мальчик, это всего лишь официальный миф. На самом деле, мы существуем в разных измерениях. Земляне преспокойно высадились на Марсе и планомерно осваивают его. Теперь они решили взяться за нас… Черт, похоже эти дуболомы на улице решили, что надо идти на штурм — торжественно освобождать гордый труп Вольфа Блитцера. Тогда у нас совсем мало времени.

— Извините за резкость, но лучшего места для нашей встречи нельзя было найти?

— Охотник сдал полиции все наши явки, кроме этой, где он хотел похозяйничать сам. И, кстати, нужное место он определил правильно.

Ома включил несколько пленочных экранов, которые раньше не были заметны — на стенах, шкафах, потолке. Передающие камеры были установлены в разных районах Лабиринта Ночи.

Уже не купола, а самые настоящие города проглядывали из завихрений чужой материи.

— Зеркалка выворачивает наш мир наизнанку, превращая его в упаковку для другого мира. И победить эту инфекцию будет не просто. Любая материя по своему умна.

— А если просто собрать ее, весь инфицированный грунт, лед, отослать на Юпитер или на Солнце, оно все переварит.

— Пробовали, юноша. Мы ведь не дурнее других. Организация уже применила уборочные средства. Но и бульдозеры с экскаваторами были быстро инфицированы.

Симулант, стоявший у окна и заслонявшийся телом пленного бандита, отлично просвистел музыкальную фразу из вагнеровского «Полета валькирий», потом сказал:

— Наши друзья из полиции собираются атаковать снова.

— Поэтому, Ред, я должен вернуться к образу Вольфа, — сказал симулант Ома. — Пусть его посчитают худшим из предателей, но никто не должен знать, что здесь побывал старый уважаемый всеми ученый.

Второй лжеполицейский выбросил пленного бандита из окна и, улыбнувшись его отчаянному крику, дал длинную очередь из автомата.

— Наши мужественные копы отважно залегли в канаву, только жирные зады торчат.

— Может зря мы все это? — поделился сомнениями Ред. — Скорее всего те, что в зазеркалье, лучше нас. Разве вам не надоели тупые трусоватые полицейские и отважные безжалостные бандиты?

Симулант Вольф медленно покачал головой, жест был опять-таки абсолютно выверенным.

— Там, за зеркалом все намного хуже, друг мой. Я давно создал ресиверы, который в состоянии принимать излучения из того мира, в том числе и обычные радиопередачи. Там царствует хорошо замаскированная подлость. Тот мир во власти дьявола и нуждается в хорошей пилюле. Неплохо б было вывернуть его наизнанку, а?

Возможно и наш мир во власти дьявола… такого как ты, подумал Ред и устыдился. Что, если сейчас за него мыслит Тень?

— Ну что ж, пора расставаться. Наши симуляционные тела скоро погибнут в неравном бою, — сообщил Вольф, — а вот ты упорхнешь.

— Куда? — спросил Ред скорее всего из приличия, потому что ход мыслей Вольфа был вполне ясен.

— Куда-куда? Слушай, старик, я так рад, наши расчеты полностью оправдались, зеркалка тянет тебя ТУДА с

негагравитационной силой в десять метатонн. На восемьдесят процентов ты уже состоишь из зеркальной материи, поэтому можешь даже почувствовать свою изоморфу из другого мира, которую ты наверное называешь Тенью. Ты уже там прописан. Нам надо только сделать маленький толчок и телепортационная трубка сработает… как коромысло, извини за несколько лубочное сравнение. На какое-то время ты окажешься в том мире, а твоя изоморфа, напротив, здесь.

Ред почувствовал как что-то набухло и затвердело у него под горлом. Он едва смог вздохнуть.

— Как все просто у вас. Восемьдесят процентов зеркалки, негагравитационная сила, принцип коромысла… А я, блин, получается монстр какой-то, если моя человеческая плоть и кровь замещены зеркалкой!

Он замолчал, потому что ему не хватило воздуха.

— Парень, ты меня разочаровываешь, — Вольф погонял кривую улыбку по лицу. — Ты готов был жизнь отдать хрен знает за что, за освобождение Марса от налогового гнета, а сейчас тебя взволновала такая ерунда — из чего состоит твое тело. Ладно, успокойся. Твой мозг и парадоксальным образом мочеполовая система по-прежнему состоят из нашей материи, поэтому твои мысли, моча и сперма принадлежат этому миру и послужат нашему общему делу.

— Почему туда нельзя отправить бластулу?

— Потому что в том мире у нас нет агентуры. Там должны оказаться твой мозг, ну и то, что пониже пояса, чтобы успешно заразить тот мир нашей материей, которая, кстати, по полному праву будет там считаться ужасной дьявольской зеркалкой.

6

Второй симулант надел на Реда комбинезон из многослойной металлорганики. На пояс Реда был прицеплен симбионт-доктор, который быстро нашел своими щупальцами его вену и начал дозировано вводить вещество, связывающее неустойчивые белки и заменяющее воду на антифриз.

Ред понял, что Марс в том мире заметно отличается от Марса в мире этом.

Заработала какая-то установка, по крайней мере пол завибрировал. Вольф стал раздуваться, растягиваться и раскрывать свой рот. При этом он напоминал не столько хищника из млекопитающих, сколько самую зловредную рептилию.

Когда рот симуланта раскрылся во всю кошмарную ширь, Ред почувствовал сильную тягу, его будто понесла прибойная волна. Она быстро смыла боль, которая уже захватывала его тело.

Ред и видел, и чувствовал, как его тело превращается в набор ручейков, которые устремляются в жутковатый и смешной провал. Через какое-то мгновение Ред перестал мыслить и сознавать себя.

Когда он очнулся, то подумал сперва, что заживо похоронен, засыпан землей, не дышит. Течение времени практически не ощущалось. Он как будто качался на волнах мирового океана, где плавают левиафаны, на которых стоят все миры. Потом Ред осознал свои конечности. Покой уходил из его тела.

Он не был засыпан землей, но находился в замкнутом пространстве. Комбинезон уже распался на быстро разлагающиеся куски, симбионт-доктор, введя последнюю дозу «оживляжа», отлепился от пояса — существо из другого мира не должно было следовать за Редом дальше.

Но куда дальше?

Вместе с холодом на тело набрасывалась боль, вторгаясь в каждую ожившую клетку. Ред метался от этой боли, натыкаясь на металлические переборки, пока его пальцы случайно не нащупали стыки небольшого люка. Ред, поднатужившись, выхаркнул несколько капсул, которые были вживлены в миндалины его горла. Растер пальцами содержимое капсул и вмазал его в стыки. Агрессивные робомолекулы накинулся на металл, быстро разрушив замок и петли. Ред толкнул люк и упал с высоты нескольких метров.

Из-за столкновения с полом секунд десять он «отдыхал». Потом наконец смог оглянуться. Он выпал из ящика. Ящиков, вернее узких как гробы металлических контейнеров, было много,

целый штабель вдоль бетонной стены — все покрыты изморозью, у каждого на передней стенке набор индикаторов, плюс неряшливо подведенные провода и трубы.

Что там внутри — живые тела, трупы? Как бы в ответ, из одного контейнера донесся стон, звуки отчаяния и боли…

Ред уговорил себя, что первым делом надо убраться отсюда. Он натянул какую-то робу, более напоминающую половую тряпку, затем поднял решетку в углу зала и готов был спуститься в дренажную систему.

— Вах, кого я вижу! А ведь плантация — такое неприятное место. И ты в любом случае успеешь сюда попасть. Зачем торопишься, дорогой?

Бородатый человек с фонарем и небольшим двуствольным автоматом подошел к Реду. Улыбнулся и нанес удар прикладом. Брызнула кровь. Кровь, зараженная зеркальной материей.

Похоже, это был концлагерь. Ред догадался, о какой плантации идет речь. Он когда-то читал фантастический рассказ на эту тему. Лагерных доходяг, не годных для общих работ, превращают с помощью генной стимуляции или ядерного трансфера в «грядку» для выращивания новых органов и тканей.

Из заживо похороненных вынимают ломтиками печень, из них высасывают костный мозг, у них вырезают сетчатку глаз.

Бородач снова замахнулся, но второй раз бить не стал. Ухватив Реда за волосы, повел его одним коридором, другим, третьим. С лязгом поднимались и опускались решетки. Наконец конвоир и полусогнутый заключенный оказались в бетонном бункере, где сидело еще несколько бородатых людей в униформе и играло в голографические нарды. Из стенной ниши посверкивало глазками объемное изображение бородатого старца.

Началась забава, у детей называемая пятый угол. Вертухаи лупили Реда по спине, по почкам, по животу, перебрасывая друг другу почти что как плюшевую игрушку.

Когда они увидели, что Ред готов потерять сознание, то оттащили в другое помещение и швырнули на склизкий пол. По запаху он понял, что это загаженная уборная.

— Наведи марафет, крошка, — подсказал бородач, оставшийся у дверей.

Ред помочился с кровью, и вместе с тем вышла зеркальная материя, призванная вывернуть наизнанку этот проклятый мир. Потом попил едкой отдающей металлом воды из под крана. Его вырвало — зеркальной материей.

— Заканчивай прихорашиваться, — бородатый конвоир пощелкал толстыми пальцами, — и топай на работу.

По тоннелю Реда провели в еще одно помещение, где лежала

стопка грязных комбинезонов и резиновых шлемов, напоминающих противогазы.

— Чего выбирать, хватай любой и быстро. Ты и так прилично опоздал на смену сегодня, рискуешь остаться без пайки.

Ред стал натягивать безразмерный комбинезон, затем пахнущий рвотой шлем. В окошко он уже видел зэков, что работали в карьере, огражденном высоким металлическим забором с динамической колючкой.

Над всем господствовал огромный купол горы Павлина, из-за которого только что стартовала ракета, прочертив легкую дымную царапину своим факелом. Химический двигатель. И никаких высотных теремов, пытающихся утереть нос исполинской горе. Это был другой Марс. Безжизненный бурый.

— Не зли меня, — сказал бородач и тут же получил ребром ладони под нос. Потом еще в точку «небесного спокойствия». Хрюкнув и заливаясь кровью, вертухай сложился на пол. Шок, но не кома — то, что нужно.

Ред стащил с бородача форму, с трудом натянул на его тугое волосатое тело зэковский комбинезон. Провел пальцами по лицу врага, по ключевым точкам. Однако пальцы не могли запомнить форму, принадлежащую другому миру.

Тогда заострившимся ногтем Ред срезал кожу с лица вертухая и приложил к своему лицу, подбирая заодно правильное положение лицевых мышц. На оголившейся скуловой кости охранника заблестел ID-радиочип, который Ред аккуратно открепил, поддев ногтем.

Теперь осталось самое простое, самому облачиться в форму охранника, а на его ободранную голову натянуть резиновый шлем зэка.

Ред ударил по кнопкам шлюза и вытолкал полутруп вертухая наружу.

Обратно он двинулся по той дороге, которой провел его охранник. Все запирающие решетки послушно поднимались и опускались, реагируя на трофейный ID-чип. По пути Реду несколько раз попадались охранники, но они не обращали на него никакого внимания. По легкому сквозняку и запаху аккумуляторной жидкости он догадался, где выход.

Скрежетнула последняя решетка и Ред оказался в гараже. Один из гермокаров пискнул, уловив знакомый сигнал идентификационного чипа. Эта машина теперь его.

7

В пяти километрах от концлагеря располагался купольный город. Здесь никто не строил хоромов, все было из углепласта, приземистое и серое.

В туалете на первой же автозарядной станции, Ред снял с себя мерзкую личину вертухая и спустил ее в унитаз, сунул автомат в сливной бачок. Потом содрал нашивки, изображающие красный полумесяц, с вертухайского комбинезона. Теперь униформа стала похож на те комбезы, которые носят местные работяги. В его кармане лежала пластиковая карта, вроде как денежный носитель. Справив нужду, Ред поднялся в кафе. Что тут они могут жрать?

— Как обычно, — сказал он кельнерше.

Она отреагировала «как обычно» и выдала порцию синтетической курятины. Не улыбнулась даже.

У нас на таких должностях обычно держат симулантов самого примитивного типа, подумал Ред.

Он сел за столик и стал ожесточенно резать жесткую как подметка лжекурицу. Минут через пять рядом уселась девушка с припудренным синяком под глазом.

Она явно заинтересованно поглядывала на него.

— Привет, — сказал Ред, — моя тарелка ничем не отличается от твоей.

— У тебя такие странные фиолетовые глаза.

— У нас все такие носят. Шучу…

Пошныряв взглядом по сторонам, он заметил двух сальных типов, которые сладко поглядывали на девушку, подмигивая и чмокая губами. Все ясно. Она или шлюха, или тут невежливо обращаются с дамами.

— Хочешь, — он подвинул к ней чашку кофе, из которой не успел хлебнуть — наверное, потому что запах у коричневой жижи был гадкий, сурогатный.

— Нет.

— Я тоже. Тогда пошли.

Типы вышли вслед за ними. Действовали они по весьма простой схеме, так что Реду не стоило больших трудов вырубить их, сразу около выхода. Он забрал у одного из них ключи от гермокара, у другого автоматический беспатронный пистолет, после чего отправил обоих гадов в открытое оконце подвала.

— Где их машина?

Девушка, у которой заметно дрожала челюсть, показала пальцем.

— Не нервничай, милашка, в ближайшие пару месяцев ты их точно не увидишь.

Уже через полчаса Ред оказался с новой знакомой в маленьком номере гостиницы барачного типа.

Она сняла куртку, под которой у нее была лишь коротенькая маечка и призывно улыбнулась.

— Может сперва познакомимся, — предложил несколько смутивший Ред, — меня все зовут… ну в общем неважно.

— А меня зовут Мама, потому что я фотки детей собираю, до своих-то пока далеко. Ты, кстати, не подумай, — она плюхнулась на скрипучую кровать, — обычно я не так быстро. Но ты не похож на остальных.

Как-то дежурно это было сказано — во всяком случае, Реду не понравилось. Он присел рядом с ней на кровать.

— И я не так быстро. Но ты права, я не такой как остальные. Правда, ничего особо занимательного я тебе рассказать не могу. Я пришел из другого мира, где на Марсе есть и воздух, и вода, попал в концлагерь тут неподалеку, грохнул охранника, сбежал.

Девица закусила нижнюю губу. Видимо это признание перевернуло все ее планы.

— Какая же я дура. Это все похоже на правду, все, кроме первого. Ты — беглый. Блин, я-то подумала, что ты будешь моим новым сутенером. А теперь Ринальдо и Хожа грохнут меня… Это те два кота, которых ты вырубил около кафе. Они утром уже надавали мне по физиономии, потому что у них есть лицензия на использование меня и других девушек.

— Пожалуй, стоит согласиться с Омой, этот мир действительно гадок. У нас парням, которые избивают девчонок, быстро вышибут мозги.

— Ты просто псих. Или сектант без лицензии.

— Ну что, донесешь, красотка? Есть у тебя лицензия на доносительство?

Она с испугом, расширяющим зрачки, посмотрела на него.

— Нет. В смысле не донесу.

— Допустим. Что это за концлагерь? Он принадлежит вашему правительству?

Девка встала, принялась натягивать прямо на голое тело куртку.

— Мне, наверное, лучше уйти. Я честно, никому не скажу. Ты ведь мне понравился.

Ред заставил шлюху сесть, слегка потянув ее за пальцы.

— Давай все-таки поговорим. Ты ведь не каждый день общаешься с человеком из иного, да еще и лучшего мира. Заметь, человек этот отнюдь не призрак.

— Парень, я мало что знаю об этом месте. Если это концлагерь, то частный, по лицензии от Комитета Гармонизации. Когда-то все принадлежало правительству, в том числе тюрьмы, но это было несправедливо, и все, кроме бюрократов, были недовольны. Потом люди стали покупать лицензии на то, что им действительно нужно. На педофилию и сутенерство, на владение тюрьмой или виселицей, на судейский пост или офицерский чин в полиции. Комитет Гармонизации следит за тем, чтобы лицензия одного не ограничивала лицензии другого, чтобы например один педофил не мешал другому. Мы ведь все здесь должны как-то уживаться, и купола Юнайтед Текнолоджиз, и киллеры, и педофилы, и суфии, и джамааты, и сталинисты, и вудуисты. Все на равных получают лицензии от Комитета Гармонизации… Ну да, эта тюряга принадлежит джамаату шейха Насраллы.

— Как же так, красавица? В пяти километрах от вас мучают людей почем зря, а ты говоришь, что надо уживаться.

У девушки слегка раздулись ноздри, словно она разозлилась.

— Какие люди, о чем ты говоришь? Там сидят их враги, русские наемники. И мы просто не в состоянии с джамаатами ссориться, потому что они нас могут закатать в глубокий лед на веки вечные, причем на совершенно законных основаниях. Поэтому наша пресса поет им славословия и я в данном случае с газетами вполне согласна. Понимаешь, у нас тут гармония, все живут так как они хотят, не мешая друг другу. Если джамаатовцам хочется иметь свою тюрьму для неверных, то надо уважать их мнение. И их лицензию, выданную Комитетом Гармонизации.

Ред продолжал внимать откровения шлюхи, но заодно услышал, что к гостинице подъехало два гермокара. И похоже что с вооруженными людьми.

— Тихо, тут есть еще один выход?

— Нет, то есть да. Из оконца в женском туалете, там в конце коридора. Но учти, если ты даже сейчас удерешь, то гармонизаторы тебя быстро вычислят и отдадут людям шейха, — уверенно напутствовала девка.

Ред встал с кровати и, прощупав взглядом обшарпанный коридор, пошел по направлению к туалетным комнаткам. По счастью за дверью женского туалета никого не было. Он запер ее и открыл оконце, над которым красовалась надпись: «Дядя сегодня — это тетя завтра, даешь лицензию транссексуалам».

Раздался энергичный, даже несколько истеричный стук.

— Открой, я знаю, что ты здесь.

Ее голос. Уже продала? Ред взвел курок трофейного пистолета.

8

Мама сказала: «Ты действительно не такой, как все». Когда она прикоснулась к его губам, он понял, задание выполнено. Теперь она понесет спасительную инфекцию, пока не вывернет наизнанку этот чертов мир.

После короткой, но бурной любовной сцены, он выбрался из туалетной комнатки через окно и долго отстреливался от джамаатовцев и подоспевшей им на помощь полиции гармонизаторов.

Ему удалось захватить гермокар и вырваться из купольного города. Лабиринт Ночи, извилистый и огромный каньон, был совсем неподалеку и он мог бы укрыться среди его расщелин. Но Комитет Гармонизации вызвал звено бомбардировщиков, которые отутюжили площадь десять на десять километров, одна из бомб даже случайно попала в купол. Никто больше Реда не видел и не слышал.

Мир не вывернуло наизнанку. Возможно масса зеркальной материи, которую принес Ред, не достигла критической отметки. Но кое-что изменилось — судьба проститутки Мамы.

Ринальдо и Хожа никогда уже не досаждали ей. Больше ни один мужчина не ударил ее, хотя она сменила многих партнеров. Пользуясь суматохой, возникшей после бомбежки купола, ей удалось перепрограммировать свой ID-чип и даже взять кредит в банке.

Мама смогла заплатить за разрешение родить ребенка. А еще она написала книгу о другом зазеркальном Марсе, где нет джамаатов, лицензий на пытки и разврат, жестоких сутенеров, частных концлагерей и гармонизаторов, но где текут реки и растут деревья. Эта книга стала подпольным, а потом и вполне легальным бестселлером. Через пару лет колонисты с Земли, свергнув власть Комитета Гармонизации под лозунгом «да здравствует мир без лицензий», начали строительство другого Марса, изменяя себя и планету. Изменения происходили так быстро, словно иная жизнь где-то уже созрела и просто была выпущена на волю, как джин из бутылки. Уже через несколько лет на Марсе росли лиловые тополя, о лицензиях все забыли, на смену гармонизационному гестапо пришла уважаемая налоговая полиция, которую возглавил герой недавней революции — Вольф Блитцер.

Но однажды случился грех, Мама укрыла от налоговиков часть доходов, полученных от книги — «ну не хватит ли этим вампирам сосать ее деньги» — и у нее дома внезапно появился

сам Блитцер.

— Вы не имеете право вторгаться в мое жилище. С лицензиями на взлом давно покончено, — с прерывающимся от возмущения дыханием выпалила она.

— У меня с собой санкция судьи. Все по закону, милая, — вежливо отозвался Вольф. — К сожалению, у налоговой полиции есть веские основания считать, что вы укрыли от нашего взора солидную сумму, перекинув денежки на счета липового общества по разведению четырехкрылых безотходных голубей. Но я готов закрыть на это глаза — разумеется, если вы немедленно вернете в правовое пространство ваши деньги — так сказать, из уважения к вашим заслугам.

— Какие там заслуги? Это не я, это все он, — она нервно показала на исполненный по памяти голографический портрет Реда, стоящий в стенной нише.

— Очень недурно, — Вольф Блитцер даже слегка прищурился, разглядывая голокартину. — Только нос, пожалуй, несколько великоват и загнут не в ту сторону.

— Откуда вы знаете, какой у него был нос?

— Интересно, а какой нос у вашего малыша, который щебечет в соседней комнатке? — ответил вопросом на вопрос Блитцер. — Ага, в вашем экзаменационном билете, девушка, есть еще один вопросик. Как вы думаете, что представляет из себя Вечный Огонь у памятника первопроходцам Марса?

— Это святыня.

— Вот именно. Это святыня, поэтому она вне подозрений. Именно там находится горячий квантовый процессор, о существовании которого знают только те, кому приятно это знать. Гипер полностью распределен. Я его часть, также как и вы. Например, материнская плата гиперкомпьютера встроена в вашу замечательную головку.

Лицо Блитцера плавно изменилось а следом и его фигура, которая вытянулась и сузилась в плечах, отчего он приобрел облик старого и уважаемого физика по фамилии Ома.

Сейчас Мама стала осознавать то, что раньше ей было осознавать запрещено, если точнее секретная информация вливалась в ее сознание через нейроконнектор, по внутренней объектной шине.

Гиперкомпьютер открыл ей существование телепортационных трубок, связывающие наш мир с Ничем, с иной материей, которая не имеет ни иерархического строения — деления на молекулы, атомы, лептоны, кварки — ни стрелы времени. Это просто математический объект с двадцатью тремя свернутыми измерениями, нестабильно проецирующимися в нашу трехмерную

реальность. Мама узнала, что в это Ничто по принципу «коромысла» была заброшена бластула. Всего лишь порция нашей материи, в которой особо плотным образом была записана информация о нашем мире, обществе, людях и тэдэ. И хотя мы не знали и не знаем, что ТАМ, но ОТТУДА нам прислали Реда. Значит, там по крайней мере есть ум.

— А не пора ли нам разобраться с этими налоговыми киллерами? — сказал симулант Ома и хитро подмигнул.

notes

Примечания

1

psychosoftware

2

радиоэлектронная борьба